

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-9

США: экономический аспект политики «национального эгоизма» в условиях пандемии

Людмила Федоровна ЛЕБЕДЕВА

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт США и Канады РАН, 121069, Хлебный пер., д. 2/3, Москва, Российская
Федерация

E-mail: l.lebedeva@iskran.ru

ORCID: 0000-0002-4464-2916

ЦИТИРОВАНИЕ: Лебедева Л.Ф. (2020) США: экономический аспект политики «национального эгоизма» в условиях пандемии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 5. С. 145–157.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-9

Статья поступила в редакцию 15.07.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00001 А «Глобальные и региональные последствия экономической политики США во втором – начале третьего десятилетия XXI века: новые вызовы и возможности для России».

АННОТАЦИЯ. Политика Соединенных Штатов Америки и до пандемии коронавируса COVID-19 характеризовалась возрастающим экономическим, политическим, финансовым, информационным давлением на другие государства, в т. ч. на союзников и торговых партнеров. Со времени инаугурации президента Д. Трампа (20 января 2017 года) устойчивый характер приобрела практика использования санкций, защиты внутренних производителей многоступенчатным введением таможенных пошлин на импортируемую продукцию по ее видам, по странам происхождения; ужесточения экспортного контроля. Борьба с эпидемией и ее последствиями привела к усилению действий, принимаемых Вашингтоном, исходя из «национального эгоизма», – вплоть до объявления о выходе США из Всемирной орга-

низации здравоохранения в период, когда столь важно объединение усилий перед эпидемиологической угрозой. Пандемия коронавируса, в сочетании с политикой Соединенных Штатов, ускорила глобальную «диффузию» «национального эгоизма», изменения в торгово-экономических взаимосвязях стран и их объединений; поиски новых форматов взаимодействия субъектов мирового хозяйства в условиях, когда национальные интересы становятся преобладающими; углубление конфронтации между двумя крупнейшими экономиками мира – США и Китаем. В новых реалиях Соединенные Штаты перешли к системе противодействия «стратегическим соперникам». Применение Вашингтоном инструментов торможения их технологического, экономического развития, использование санкционного режима, та-

рифных и иных ограничений может привести к усилению государственного контроля взаимодействия США с внешним миром; оказать сдерживающее влияние на восстановление международных связей, а также способствовать сохранению высокой степени неопределенности, снижению доверия в отношениях между странами в постпандемическую эпоху. Вместе с тем задачи противодействия новому глобальному эпидемиологическому вызову усиливают запрос мирового сообщества на сотрудничество и международное взаимодействие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая политика, США, международная торговля, коронавирус COVID-19

Введение

Пандемия COVID-19 с ее беспрецедентными последствиями для глобальных, национальных, локальных трансформаций заставили переоценить новые эпидемиологические, экономические, финансовые, социальные вызовы в их взаимосвязи. Стремительное распространение в мире коронавируса, с одной стороны, актуализировало международное гуманитарное сотрудничество, а с другой, стало новым фактором усиления экономического соперничества, воздействия на расстановку ключевых акторов в глобальном пространстве, степень их «дистанцирования».

В условиях переосмысления рисков общественного развития, национальных приоритетов и механизмов их осуществления, направлений и форматов международного взаимодействия в мире наблюдается усиление «национального эгоизма». По мере перемещения эпицентра распространения коронавируса из Китая в США нарастало и противостояние двух крупнейших экономических держав, которое приобрело

многовекторный характер, вплоть до ситуации, когда Вашингтон возложил ответственность за распространение коронавируса и экономические последствия борьбы с ним на Китай.

Процесс количественных ограничений, санкций после трех лет периода администрации Д. Трампа привел к их переходу в новое качество – к формированию «стратегии соперничества». Именно такой подход – в развитие Стратегии национальной безопасности страны (National Security Strategy of the United States of America, 2017) – сформулирован в апреле 2020 г. в Докладе Госдепартамента Соединенных Штатов «Стратегия соперничества по отношению к Китаю и России» [Ford 2020]. Установка на глобальное лидерство США, базирующаяся на «недосягаемости» «преимуществ Соединенных Штатов над другими странами мира» в военно-политической, технологической, финансово-экономической сферах получила в Докладе новые импульсы и направления развития.

Речь идет о создании комплексной системы торможения экономического, технологического развития Китая, России, других стран, представляющих, с точки зрения авторов доклада, «критический вызов» «американским ценностям и интересам» с тем, чтобы они «бежали медленнее», а США и их союзники «бежали быстрее».

«Вирус» ограничений

«Вирус» ограничений – санкционных, тарифных и нетарифных, по контролю за деятельностью иностранных компаний – показал не менее высокую контагиозность и живучесть, чем COVID-19.

Многие западные эксперты считают, что в период пандемии коронавируса и преодоления ее последствий

«национализм усилится» (*Stephen M. Walt, Harvard University*); «теперь каждая страна будет действовать, исходя из своих интересов», вопрос – «как их определить» (*Professor Joseph Nye, Harvard University*) [How the Global System Will Be Shaped 2020]. Действительно, в мире наблюдается тренд к повышению роли государства, значения государственной политики для решения социальных и экономических задач, исходя из национальных приоритетов. На фоне резко возросшей – в условиях пандемии и введенных ограничений – уязвимости международных производственных цепочек, разрыва хозяйственных связей по многим направлениям в национальных экономиках усиливается фактор их самодостаточности, прежде всего применительно к особо значимой для внутренней экономики и общественного потребления продукции.

Эпидемия коронавируса COVID-19 особо наглядно высветила риски бесперебойной поставки критически востребованных медикаментов, специальных средств защиты, медицинского оборудования. Соединенные Штаты, будучи «крупнейшим в мире рынком фармацевтической продукции по совокупному объему продаж уже более 20 лет» [Мамедьяров 2019, с. 37], как и многие другие страны, столкнулись с вероятностью возникновения дефицита медицинских препаратов; была «выявлена целая группа медикаментов в зоне риска из-за того, что либо их активные субстанции, либо сами препараты поставлялись только из Китая»¹. Наряду с разрывами в производственных цепочках, в условиях эпидемии COVID-19 торговые ограничения могут стать не только экономической, но также гуманитарной проблемой.

В начале текущего года национальные системы по борьбе с коронавирусом испытали на себе достигнутый уровень зависимости от иностранных производителей медицинского оборудования, специальных средств защиты (масок, бахил, халатов и т. п.), свыше 86% мирового экспорта которых сосредоточено в 20 странах, при этом в странах – ключевых производителях одних противозидемических видов продукции одновременно наблюдается потребность в импорте других видов предназначенной для этих целей продукции.

Взаимозависимость по некоторым видам товаров, необходимых для сдерживания распространения, лечения и преодоления последствий коронавируса, достигла такой степени, что в случае чрезвычайных ситуаций, очередных волн заболеваемости, даже в ведущих странах-производителях резкий рост спроса может остаться неудовлетворенным. С учетом такой ситуации по состоянию на апрель 2020 г. ограничения на экспорт продукции для борьбы с COVID-19 (в ряде случаев временные) действовали в 69 странах.

К началу 2020 г. основным производителем защитных масок был Китай (около половины мирового производства), однако по мере распространения эпидемии COVID-19 внутреннего производства оказалось недостаточно для удовлетворения потребностей в них. В январе китайские производители могли выпускать 20 млн масок в день, в то время как для обеспечения работников системы здравоохранения, транспорта, промышленности их требовалось 240 млн.

К концу февраля производство масок в Китае достигло 116 млн в день, а к концу марта – около 200 млн [The Face

1 Мамедьяров З.А. (2020) COVID-19 и глобальные цепочки добавленной стоимости // ИМЭМО. 2 апреля 2020 // <https://www.imemo.ru/news/events/text/covid-19-i-globalnyie-tsepochki-dobavlennoy-stoimosti>, дата обращения 15.10.2020.

Mask Global Value 2020, p. 6]. Ни одна страна мира не производит все необходимые для борьбы с COVID-19 виды продукции (в т. ч. медикаменты, медицинское оборудование, средства специальной защиты для работников медицинских учреждений) и их составляющие.

Непосредственно перед глобальным распространением коронавируса доля США в мировом импорте такой продукции составляла 18%, а по некоторым ее видам значительно выше: средства специальной защиты – 28%, медицинское оборудование – 22,9%. Далее по степени зависимости от поставок из-за рубежа следовали Германия, Нидерланды, с наиболее высокими долями мирового импорта инструментов и аппаратуры для тестирования – 9,6% и 7,4% соответственно (табл. 1).

Около двух третей экспорта инструментов и аппаратуры для тестирования, средств специальной защиты

и 55% медицинского оборудования, в т. ч. для кислородной терапии, поставляется всего из пяти стран. Основными поставщиками инструментов и аппаратуры для тестирования являются Германия (21,0%) и США (16,3%); медицинского оборудования, в т. ч. для кислородной терапии, – США (17,6%) и Германия (13,5); средств специальной защиты – Китай (41% мирового экспорта) (табл. 2).

Потребность в импорте, в т. ч. в Соединенных Штатах, продукции медицинского назначения, жизненно необходимой, в числе прочего, в процессе лечения пациентов с коронавирусом COVID-19, столь значительна, что его объем увеличивался, несмотря на введение тарифов. Из попавших под 25%-й тариф товаров, например, объем импорта рентгеновского оборудования из Китая, возрос в 2017–2019 гг. на 45%; а объем импорта защитных перчаток (подпадающих под 15%-й тариф,

Таблица 1. Основные страны – импортеры продукции, необходимой для борьбы с коронавирусом COVID-19: доля в мировом импорте, %

Table 1. Major importing countries for products needed to fight the COVID-19 coronavirus: share of global imports, %

Страны	Инструменты и аппаратура для тестирования	Страны	Средства специальной защиты	Страны	Медицинское оборудование, в т. ч. для кислородной терапии
США	12,9	США	28,2	США	22,9
Германия	9,6	Германия	7,4	Германия	8,0
Нидерланды	8,8	Нидерланды	6,3	Швейцария	7,1
Бельгия	5,8	Бельгия	4,7	Нидерланды	6,8
Италия	5,8	Италия	4,0	Япония	5,1
5 ведущих стран-импортеров	42,8	5 ведущих стран-импортеров	50,7	5 ведущих стран-импортеров	49,9

Данные 2018 г.

Источник: Trade Interdependencies in Covid-19 Goods (2020) // OECD, May 5, 2020 // <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/trade-interdependencies-in-covid-19-goods-79aaa1d6/>, дата обращения 15.10.2020.

введенный в сентябре 2019 г.) – на 42%². Борьба с пандемией выявила проблемы зависимости от целого ряда импортных видов продукции и компонентов не только в США.

В предшествующие эпидемии годы такая картина наблюдалась практически во всех группах стран: и развитых, и развивающихся. При столкновении с коронавирусной угрозой в ряде стран были предприняты меры по либерализации импорта ряда видов продукции, критически необходимых в условиях пандемии. Одновременно в своем стремлении снизить зависимость от поставок из других стран, прежде всего из Китая, обеспечить средствами индивидуальной защиты, медикаментами и их компонентами, оборудованием, необходимыми для борьбы с коро-

навирусом, с марта текущего года на их экспорт вводились ограничения как отдельными странами, так и на уровне их объединений.

В то время как некоторые страны ЕС, производящие защитные маски, ввели ограничения на их экспорт, общая установка ЕС, одобренная 15 марта 2020 г., состояла в том, что при выдаче разрешения на экспорт необходимо учитывать нужды стран – членов ЕС. В целях обеспечения стран Евросоюза необходимыми для борьбы с коронавирусом товарами (защитными масками, перчатками и одеждой) был установлен порядок получения специальных разрешений на экспорт такого рода средств защиты за пределы Евросоюза [The Face Mask Global Value 2020]. Похожая система введена и в

Таблица 2. Основные страны – экспортеры продукции, необходимой для борьбы с коронавирусом COVID-19: доля в мировом импорте, %

Table 2. Major exporting countries for products needed to fight the COVID-19 coronavirus: share of global imports, %

Страны	Инструменты и аппаратура для тестирования	Страны	Средства специальной защиты	Страны	Медицинское оборудование, в т. ч. для кислородной терапии
Германия	21,0	Китай	41,0	США	17,6
США	16,3	Малайзия	10,1	Германия	13,5
Швейцария	13,7	Германия	5,2	Китай	9,0
Ирландия	10,4	Вьетнам	4,2	Мексика	8,8
Нидерланды	5,7	Таиланд	3,7	Япония	5,7
5 ведущих стран-экспортеров	67,2	5 ведущих стран-экспортеров	64,2	5 ведущих стран-экспортеров	54,6

Данные 2018 г.

Источник: Trade Interdependencies in Covid-19 Goods (2020) // OECD, May 5, 2020 // <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/trade-interdependencies-in-covid-19-goods-79aaa1d6/>, дата обращения 15.10.2020.

2 Bown C.P. (2020) Trump's Trade Policy Is Hampering the US Fight against COVID-19 // PIIE, March 13, 2020 // <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/trumps-trade-policy-hampering-us-fight-against-covid-19>, дата обращения 15.10.2020.

США (с 10 апреля 2020 г.), а также в ряде других стран.

Влияние пандемии и последствий борьбы с ней на международное «дистанцирование», «диффузию» политики ограничений в системе экономических отношений между странами показало, что ситуация, подобная критической зависимости от поставок необходимых для борьбы с коронавирусом видов продукции, может возникнуть и в любой другой сфере, в т. ч. при нарушении функционирования производственных цепочек.

В Соединенных Штатах курс на самодостаточность в ключевых сферах экономики, усиление мотивации производства внутри страны четко прослеживается в годы президентства Д. Трампа. Проблема высокой доли импорта в используемых особо значимых для экономики сырьевых материалов, компонентов, некоторых видов продукции, оборудования и технологий в контексте национальной безопасности была поставлена на президентском уровне еще в самом начале периода администрации Д. Трампа в 2017 г. изданием Указа о создании рабочей группы по исследованию степени и рисков зависимости от импорта.

В докладе президенту, подготовленном согласно данному Указу («Об оценке и укреплении индустриальной базы и гибкости цепочек снабжения обрабатывающей промышленности и оборонного сектора США» (*Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States*, 2018)) «был выявлен длинный перечень рисков по рассмотренным вопросам» [Report to President Donald J. Trump 2018]. К их

числу относится, в частности, высокая степень зависимости национальной промышленности, оборонного сектора Соединенных Штатов от импорта ряда сырьевых материалов, редкоземельных металлов, а также некоторых видов оборудования и технологий [Лебедева 2020, с. 33]. Особо подчеркивалась роль поставок из Китая.

Эксперты, подготовившие доклад, отметили, например, что из «ведущих 20 мировых производителей печатных плат лишь один базируется в США»; «90% их производства сосредоточено в Азии, в т. ч. свыше половины – в Китае; а на Соединенные Штаты приходится всего 5% глобального производства печатных плат» [Report to President Donald J. Trump 2018, pp. 48, 91]. Политика администрации Д. Трампа по данному вопросу формулируется довольно просто – «товары хорошо производить в самих Соединенных Штатах», что было подтверждено и в период борьбы с пандемией³. Среди основных направлений сокращения зависимости от иностранных поставщиков предлагается поощрение внутреннего производства, в т. ч. посредством налоговых льгот, субсидий.

Стратегия соперничества на третье десятилетие: американский подход

В новых реалиях идеи «национального эгоизма» проявились в трансформации американского подхода к сохранению и упрочению своих позиций в мире в начале третьего десятилетия 2000-х гг. – от отдельных мер противодействия конкурентам к *системному* соперничеству.

3 President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing (2020) // The White House, April 20, 2020 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-28/>, дата обращения 15.10.2020.

В Докладе Госдепартамента США о «стратегии соперничества» (*Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia*), обнародованном в мае 2020 г. и содержащем концепцию достижения превосходства США над соперниками (в качестве которых рассматриваются прежде всего Китай и Россия), представлена установка на обеспечение лидерства Соединенных Штатов за счет формирования комплексной системы торможения развития ключевых конкурентов с тем, чтобы они «бежали медленнее», а США и их союзники «бежали быстрее».

Такой подход в полной мере согласуется со Стратегией национальной безопасности Соединенных Штатов (2017 г.), в которой экономические связи рассматриваются не только в контексте утверждения позиций в мировом хозяйстве, но также для формирования взаимоотношений с другими странами по достижению задач, связанных с «общими интересами в сфере политики и безопасности» [National Security Strategy 2017, p. 38]. В документе Госдепартамента США о «стратегии соперничества» и механизмах торможения развития основных конкурентов уточнены инструменты экспортного контроля, мониторинга иностранных инвестиций, других мер, которые могут помешать (или замедлить) укреплению научно-технологического, экономического потенциалов соперников.

В докладе о стратегическом подходе Соединенных Штатов к Китайской Народной Республике (*United States Strategic Approach to the People's Republic of China*) подчеркивается «фундаментальная переоценка Соединенными Штатами понимания и ответа» правящим

кругам «второй крупнейшей национальной экономики» в мире на основе «долгосрочного стратегического соперничества»⁴.

Системное сдерживание научно-технологического развития Китая, а также других конкурентов предполагается осуществлять, и опираясь на «особенности американской системы экспортного контроля над товарами и технологиями двойного назначения, позволившие ей стать важным инструментом обеспечения национальной безопасности и внешней политики» [Кириченко 2020, с. 74]. Ужесточение Соединенными Штатами порядка экспорта продукции и технологий, контроля за выполнением установленных норм и правил призвано стать барьером на пути их приобретения соперниками, в т. ч. (по предположениям Вашингтона) через другие страны.

В апреле 2020 г. Министерством торговли США были объявлены новые положения экспортного контроля в целях предотвращения доступа к американским технологиям, которые могли быть использованы предприятиями в Китае, России, Венесуэле в развитии производства продукции для применения в системе вооружений, военного самолетостроения. Регламентируется также доступ к технологиям, которые могут быть получены соперниками посредством участия в производственных цепочках.

Новые условия регулирования экспорта введены, по словам министра торговли Соединенных Штатов Уилбура Росса (Wilbur Ross), «во избежание обхода со стороны Китая, России, Венесуэлы американского экспортного контроля и подрыва американских ин-

4 United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.20.20.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

тересов» [Ross 2020]. Функции проверки исполнения положений экспортного контроля, регламентации экспорта товаров и технологий двойного назначения возложены в рамках Министерства торговли США на Бюро промышленности и безопасности (*Bureau of Industry and Security*), которое занимается вопросами, связанными с высокими технологиями в контексте обеспечения национальной безопасности страны.

В этом же русле представлены уточненные правила инвестиций в американскую экономику, конкретизирующие порядок их одобрения Комитетом по иностранным инвестициям, в частности в случаях, когда в США инвестирует иностранная компания с государственным участием, что открывает иностранному государству возможности доступа к данным американского бизнеса, в т. ч. в высокотехнологичных сферах телекоммуникаций и других. «В условиях возросшей неопределенности ... тенденция к ограничительной практике в отношении иностранных инвестиций, диктуемая соображениями национальной безопасности» [Емельянов 2020] наблюдается не только в Соединенных Штатах, но и в ряде других стран.

Практика введения национальных мер контроля и (или) ограничительных регуляторов притока иностранных инвестиций в последние годы показывает, что степень их строгости в ряде случаев зависит от того, входит ли страна – источник притока капитала в то же объединение, что и страна – реципиент инвестиций⁵. Канада, Австралия, например, установили более жесткие условия

мониторинга инвестиций из стран, которые не входят во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства (*Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership*)⁶, чем для стран данного объединения.

Общественное мнение о лидерстве США в мире

Восприятие мирового лидерства широко изучается на всех континентах. Регулярно проводимые *Gallup*-опросы позволяют проследить динамику оценки Соединенных Штатов как мирового лидера, которая показывает существенное снижение доли респондентов (в среднем по 135 странам), «одобряющих» лидерство США в мире в годы президентства Д. Трампа, при увеличении доли тех, кто «не одобряет».

К концу второго десятилетия значительно меньше респондентов (чем в его начале) продолжали верить в лидерство США – их доля снизилась до 30–33% в сравнении с 47% в 2010 г. и 48% в 2016 г. (когда на президентских выборах победил Д. Трамп). При этом существенно возросла доля тех, кто не одобряет мировое лидерство Соединенных Штатов (до 42%) (табл. 3).

В результате в годы президентства Д. Трампа впервые за второе десятилетие уверенность в лидерстве США стала столь непопулярной, что его «неодобрение» в мире превзошло «одобрение»⁷. Наименьший индикатор одоб-

5 Инвестиции из стран, заключивших Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства, подлежат проверке; например, в Австралии начиная с объема 1 154 млн австралийских долл., а из стран, которые не входят в данное объединение, – с 266 млн австралийских долл.

6 Объединяет следующие страны: Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония, Сингапур, Вьетнам, Бруней, Малайзия, Мексика, Перу, Чили (после выхода США из Транстихоокеанского партнерства в 2017 г.) [Report on G20 Investment Measures 2019].

7 Ray J. (2020) U.S. Leadership Remains Unpopular Worldwide // GALLUP, July 27, 2020 // <https://news.gallup.com/poll/316133/leadership-remains-unpopular-worldwide.aspx>, дата обращения 15.10.2020.

рения отмечен в Европе (24%, в сравнении с 44% в 2016 г.), при том что доля тех, кто не одобряет, достигла рекордного значения 61%. В противовес общему европейскому тренду наиболее высокий уровень одобряющих лидерство США остался в Косово (82%), Албании (67%), Польше (59%).

Немногом выше, чем в Европе, показатель одобрения лидерства США в целом по странам Азии (32%), а в Африке остался на уровне 51–52%.

В самих Соединенных Штатах в начале 2020 г., согласно *Gallup*-опросу 3–16 февраля, позициями США в мире были удовлетворены 53% американцев – самая высокая доля респондентов за период с февраля 2003 г. Но такой результат получен в основном за счет сторонников республиканцев (85%) при крайне низкой оценке сторонников демократов (19%), отражая их уверенность в том, что США как «лидирующая экономическая держава» существенно укрепи-

лись с 2016 г. (год избрания президентом Д. Трампа).

В феврале 2020 г. так считали 50% респондентов, в сравнении с 37% в 2016 г. В то же время доля респондентов, придерживающихся мнения, что «лидирующая экономическая держава» – Китай, снизилась в этот период с 50 до 39%, а в отношении ЕС такого мнения придерживались всего 4% респондентов, Японии – 4%, России – 2%, Индии – 1% [Jones 2020].

Судя по результатам изучения общественного мнения, резко упало и в целом благоприятное отношение американцев к основному сопернику – Китаю, устойчиво сокращаясь в последние годы – с 53% респондентов 2018 г. до 33% в 2020 г. (опрос 3–16 апреля) – самый низкий показатель с 1979 г., сравнимый разве что с 34% в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

В этот же период резко возросла доля американцев, считающих Китай «главным противником» (табл. 4).

Таблица 3. Уровень одобрения лидерства США в мире во втором десятилетии 2000-х гг.
Table 3. Level of approval for US leadership in the world in the second decade of the 2000s

Годы	Доля респондентов в мире, которые «одобряют», %	Доля респондентов в мире, которые не одобряют, %
2010	47	21
2011	46	22
2012	41	25
2013	46	24
2014	45	27
2015	45	28
2016	48	28
2017	30	43
2018	31	40
2019	33	42

Источник: Ray J. (2020) U.S. Leadership Remains Unpopular Worldwide // GALLUP, July 27, 2020 // <https://news.gallup.com/poll/316133/leadership-remains-unpopular-worldwide.aspx>-, дата обращения 15.10.2020.

По мере стремительного увеличения числа подтвержденных случаев заражения коронавирусом в США (на 30 июля 2020 г. – 4,35 млн человек из 16,765 млн в мире)⁸ росло и неодобрение Китая американцами.

По результатам опроса (16 июня – 14 июля), опубликованным 30 июля, неблагоприятное отношение к Китаю испытывают 73% (рекорд!) взрослых американцев – на 27% больше, чем в 2017 г.⁹ При этом почти четверо из каждых пяти респондентов возлагают значительную часть ответственности за глобальное распространение COVID-19 на действия китайского правительства в период вспышки коронавируса в Ухане в начале эпидемии.

***

Политика пересмотра торговых соглашений, выхода из международных организаций, введения ограничений,

инициируемых Соединенными Штатами, с начала 2020 г. получила новые векторы практического применения. В условиях эпидемии коронавируса и экономических последствий борьбы с ней использование Вашингтоном комплекса мер противодействия экономическому, научно-технологическому развитию, укреплению позиций стратегических соперников, сохранение санкций и иных ограничений может замедлить реанимацию международных торговых связей, инвестиционного обмена, а также способствовать «диффузии» «национального эгоизма» в мире. Влияние пандемии, последовавших экономических и социальных потрясений в Соединенных Штатах усиливает потенциал «национального эгоизма» независимо от результатов ноябрьских президентских выборов.

Таблица 4. Какую страну мира американцы считают «главным противником»: доля респондентов, %

Table 4. Which country in the world do Americans consider "the main enemy": percentage of respondents, %

Страны	2015	2016	2018	2019	2020*
Россия	18	15	19	32	23
Китай	12	12	11	21	22
Иран	9	14	7	9	19
Северная Корея	15	16	51	14	12
Ирак	8	5	2	2	7
Афганистан	3	4	–	2	1
Другие	23	20	3	8	9
Нет мнения	13	15	5	10	8

*Результаты Опроса 3-16 февраля 2020 г.

Источник: Ray J. (2020) U.S. Leadership Remains Unpopular Worldwide // GALLUP, July 27, 2020 // <https://news.gallup.com/poll/316133/leadership-remains-unpopular-worldwide.aspx>, дата обращения 15.10.2020.

8 Coronavirus Resources Center // Johns Hopkins University // <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>, дата обращения 15.10.2020.
 9 Silver L., Devlin K., Huang Ch. (2020) Americans Fault China for Its Role in the Spread of COVID-19 // Pew Research Center, July 30, 2020 // <https://www.pewresearch.org/global/2020/07/30/americans-fault-china-for-its-role-in-the-spread-of-covid-19/>, дата обращения 15.10.2020.

Список литературы

Емельянов Е.В. (2020) Тенденции прямых иностранных инвестиций и их регулирования в США и других странах Группы двадцати // Россия и Америка в XXI веке. № 2. DOI: 10.18254/S207054760010489-4

Кириченко Э.В. (2020) Экспортный контроль как инструмент поддержания лидерства США в меняющемся мире // ПОЛИС. № 1. С. 74–88. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.06

Лебедева Л.Ф. (2020) Подходы к экономической и социальной безопасности в период президентства Д. Трампа Глобальные и локальные эффекты политики США в период президентства Трампа // США и Канада: экономика, политика, культура. № 2. С. 26–42. DOI: 10.31857/S268667300008239-2

Мамедьяров З.А. (2019) Инновационное развитие мировой фармацевтической отрасли. М.: ИМЭМО РАН.

Ford C.A. (2020) Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia // Arms Control and International Security Papers, vol. 1, no 6 // <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/T-paper-series-6-Strategic-competition-508.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

How the Global System Will Be Shaped after the Covid-19 (2020) // TRT-world, April 21, 2020 // <https://www.trt-world.com/opinion/how-the-global-system-will-be-shaped-after-the-covid-19-pandemic-35614>, дата обращения 15.10.2020.

Jones J.M. (2020) Fewer in U.S. Regard China Favorably or as Leading Economy // GALLUP, March 2, 2020 // <https://news.gallup.com/poll/287108/fewer-regard-china-favorably-leading-economy.aspx>, дата обращения 15.10.2020.

National Security Strategy of the United States of America (2017), Washington: The White House, December.

Report on G20 Investment Measures (2019) // OECD, June 24, 2019 // <https://www.oecd.org/g20/summits/osaka/UNCTAD-OECD-2019-21st-report.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

Report to President Donald J. Trump (2018). Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States, Washington, DC.

Ross W. (2020) Commerce Tightens Restrictions on Technology Exports to Combat Chinese, Russian and Venezuelan Military Circumvention Efforts // U.S. The Department of Commerce, April 27, 2020 // <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2020/04/commerce-tightens-restrictions-technology-exports-combat-chinese-0>, дата обращения 15.10.2020.

The Face Mask Global Value Chain in the COVID-19 Outbreak: Evidence and Policy Lessons (2020) // OECD, May 4, 2020 // https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132616-14i0j8ci1q&title=The-Face-Mask-Global-Value-Chain-in-the-COVID-19-Outbreak-Evidence-and-Policy-Lessons, дата обращения 15.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-9

United States: “National Egoism” Policy under the COVID-19 Pandemic

Liudmila F. LEBEDEVA

DSc in Economics, Professor, Chief Researcher

Institute for the US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, 121069, Khlebnyy lane, 2/3, Moscow, Russian Federation

E-mail: l.lebedeva@iskran.ru

ORCID: 0000-0002-4464-2916

CITATION: Lebedeva L.F. (2020) United States: “National Egoism” Policy under the COVID-19 Pandemic. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 145–157 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-9

Received: 15.07.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00001 A “Global and Regional Effects of US Economic Policy in the second -the beginning of the third decade of the XXI century: New Challenges and Chances for Russia”.

ABSTRACT. *The rising “national egoism” in the US economic policy has been taken place since D. Trump’s inauguration (January 20, 2017), with focus on protectionist measures, priorities for domestic production; on encouraging US companies to invest at home instead of foreign markets; control the fields of foreign investors in the American economy, etc. Covid-19 pandemic seems to have a massive impact on global diffusion of “national egoism” practices, making states more isolationist. The outbreak of the coronavirus has already become an important factor of influence on the national economies and relations between them. The article reviews the ways COVID 19 pandemic is intensifying the economic policies of President D. Trump based on nationalism, pointing out the trade and investment restrictions, their global effects. In light of the uncertainty about the pandemic’s duration and its economic impact, the paper is focusing on the immediate and more long-term global con-*

sequences of the US economic policy. All sorts of US government policy innovations during Trump’s presidency, including imposing and threatening to impose sanctions (which become usual, as to the US policy, before pandemic), tariff protections have their effects, spreading around the globe. Most of the new policies have become even more important under coronavirus pandemic, particularly concerning major strategic competitors of the United States. The American approaches to developing new rules and updating existing ones for the international connections, new import and export control actions are designed to promote economic objectives and political objectives as well. Being a powerful political and economic actor US have many instruments to influence the relations between countries. At the same time reinforced “national egoism” practices can make the economic and international trade recovery even more sluggish in the post – pandemic world.

KEY WORDS: *economic policy, US, international trade, COVID-19*

References

- Emelianov E.V. (2020) Foreign Direct Investment and Regulation in U.S. and Other G20 Countries. *Russia & America in XXI Century*, no 2 (in Russian). DOI: 10.18254/S207054760010489-4
- Ford C.A. (2020) Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia. *Arms Control and International Security Papers*, vol. 1, no 6. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/T-paper-series-6-Strategic-competition-508.pdf>, accessed 15.10.2020.
- How the Global System Will Be Shaped after the Covid-19 (2020). *TRTworld*, April 21, 2020. Available at: <https://www.trtworld.com/opinion/how-the-global-system-will-be-shaped-after-the-covid-19-pandemic-35614>, accessed 15.10.2020.
- Jones J.M. (2020) Fewer in U.S. Regard China Favorably or as Leading Economy. *GALLUP*, March 2, 2020. Available at: <https://news.gallup.com/poll/287108/fewer-regard-china-favorably-leading-economy.aspx>, accessed 15.10.2020.
- Kirichenko E.V. (2020) Export Controls as a Tool to Maintain U.S. Leadership in a Changing World. *POLIS*, no 3, pp. 74–88 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.01.06
- Lebedeva L.F. (2020) Approaches to Economic and Social Security under D. Trump's Presidency. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no 2, pp. 26–42 (in Russian). DOI: 10.31857/S268667300008239-2
- Mamedyarov Z.A. (2019) *Innovative Development of the Global Pharmaceutical Industry*, Moscow: IMEMO (in Russian).
- National Security Strategy of the United States of America* (2017), Washington: The White House, December.
- Report on G20 Investment Measures (2019). *OECD*, June 24, 2019. Available at: <https://www.oecd.org/g20/summits/osaka/UNCTAD-OECD-2019-21st-report.pdf>, accessed 15.10.2020.
- Report to President Donald J. Trump* (2018). Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States, Washington, DC.
- Ross W. (2020) Commerce Tightens Restrictions on Technology Exports to Combat Chinese, Russian and Venezuelan Military Circumvention Efforts. *U.S. The Department of Commerce*, April 27, 2020. Available at: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2020/04/commerce-tightens-restrictions-technology-exports-combat-chinese-0>, accessed 15.10.2020.
- The Face Mask Global Value Chain in the COVID-19 Outbreak: Evidence and Policy Lessons (2020). *OECD*, May 4, 2020. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132616-l4i0j-8ci1q&title=The-Face-Mask-Global-Value-Chain-in-the-COVID-19-Outbreak-Evidence-and-Policy-Lessons, accessed 15.10.2020.